

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2023.29.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.5)
EDN [ODYORC](https://edn.odyorc.org/)
УДК 327; 323.1

М. С. Бабченко¹

¹ ПГУ им. Т. Г. Шевченко
Тирасполь

ЭВОЛЮЦИЯ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕУРЕГУЛИРОВАННОГО КОНФЛИКТА С РЕСПУБЛИКОЙ МОЛДОВА

Аннотация. Строительство приднестровской политической нации осуществляется как естественным образом, так и посредством целенаправленной государственной политики по нациестроительству. Если изначально идентичность современного Приднестровского государства сформировалась на антинационалистических началах (в противовес идентичности Республики Молдова), на базе позднесоветского интернационализма, а также как республики–преемницы МАССР, то со временем она стала трансформироваться, произошёл отход от советских принципов в пользу самодостаточности и несводимости к каким-либо моделям. Этому способствовала позиция приднестровских политических и научных элит, ищущих основания собственной государственности в идентичности приднестровского народа. На сегодняшний день в Приднестровье создана система, которая обеспечивает ретрансляцию ценностей и смыслов среди населения, в неё включено общество и институты власти, а также институты гражданского общества.

Вместе с тем развитие гражданской, политической идентичности ведёт к осложнению диалога между Приднестровской Молдавской Республикой и Республикой Молдова. В условиях разнонаправленного геополитического выбора, применение приднестровской модели для Молдовы оказывается невозможным, поскольку последняя не отказалась от национальной модели государства. Распространение приднестровской мультиэтничной модели в молдавском социуме и политикуме может быть воспринято как вмешательство во внутренние дела и принудительная русификация. Автор предлагает не смешивать понятия говоря об идентичности населения, – не путать политический дискурс и идеологию государства с естественно сформировавшейся на протяжении столетий идентичностью, основанной на мультиэтничности, миролюбии и тяготению к Русскому миру. Политическая идеология современного Приднестровского государства направлена в будущее и имеет политическую цель – независимость, идентичность связывает народ с его истоками, в данном случае – с прошлым, в котором заметна особенная роль России.

Ключевые слова: молдово-приднестровский конфликт, приднестровская идентичность, приднестровский народ, Приднестровская Молдавская Республика

Для цитирования: Бабченко М. С. Эволюция приднестровской идентичности в условиях неурегулированного конфликта с Республикой Молдова // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 2. С. 56–66. DOI [10.19181/nko.2023.29.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.5). EDN [ODYORC](https://edn.odyorc.org/)

Введение. На тему приднестровской идентичности написаны десятки статей, немало научных работ посвящены молдово-приднестровскому конфликту, по приднестровской тематике регулярно защищаются диссертации¹. Все это го-

© Бабченко М. С., 2023

¹ В базах научной электронной библиотеки eLIBRARY по состоянию на май 2023 года по запросу «приднестровская идентичность» индексируется 1418 публикаций; по запросу «приднестровский конфликт» индексируется 268 публикаций; 67 диссертаций содержат в названии слово «Приднестровье» и 19 диссертаций содержат название «Приднестровская Молдавская Республика».

ворит о том, что к приднестровской тематике сохраняется и даже растёт исследовательский интерес: так по запросу «приднестровская идентичность» в базах научной электронной библиотеки eLIBRARY индексируется 237 статей в период с 2000 по 2010 гг. и 1058 – в следующее десятилетие. В ряде работ исследователи Д. В. Басова [1, с. 66–68], И. А. Войт [2, с. 32–36], Н. А. Голубь [3, с. 448–467], В. А. Колосов и Д. В. Заяц [4, с. 88–122], Н. И. Харитоновна [5, с. 142–151], В. Е. Журавлев [6] задаются вопросом о соотношении приднестровской идентичности и перспективах урегулирования конфликта или касаются его. Однако, несмотря на популярность темы, наиболее близкие авторскому восприятию публикации с тем же фокусом внимания написаны более 20 лет назад (см., например [4, с. 88–122]). Постараемся актуализировать выбранную тематику, раскрыть особенности приднестровской идентичности, используя метод синтеза экспертных и научных оценок к феномену Приднестровья.

Наличие на левом берегу Днестра «особой идентичности» («Transdnestrian identity») признавалось Миссией СБСЕ (ныне – ОБСЕ) уже в 1994 году. «По оценке Миссии ОБСЕ, существует отчётливое ощущение «приднестровской» идентичности, выходящей за рамки этнических границ, что оправдывает особый статус этого района. Многие этнические молдаване, проживающие на левом берегу, испытывают отвращение к прямому управлению из центра, предпочитают говорить по-русски и не считают себя “бессарабцами”. «...» следует отметить, что к западу от Днестра – там, где проживает большинство этнических украинцев и русских, – славяне и автохтонные молдаване мирно сосуществовали с момента распада Советского Союза, даже во времена насилия и ожесточённых боев в Приднестровье. Распространения насилия на другие районы Молдовы не произошло», – говорилось в заключении справочного материала, подготовленного на основе документа «Приднестровский конфликт в Молдове: истоки и основные проблемы» Центром по предотвращению конфликтов СБСЕ в июне 1994 года² (*перевод цитаты – авторский*).

Большинство исследователей называют среди имманентных особенностей Приднестровья многоэтничность, принадлежность к русскому миру, миролюбивый характер живущего здесь на протяжении столетий населения, противопоставление своей идентичности современной Молдове. Рассмотрим каждую из них подробнее.

Принадлежность к русскому миру. То, что приднестровцы относят себя к русскому миру, подтверждают многочисленные социологические опросы [1, с. 160], исследование «Геополитический выбор Приднестровья», проведённое в ноябре 2013 г. Центром социальных и политических исследований «Перспектива» и НИЛ «Социология» ПГУ им. Т. Г. Шевченко [7; с. 41–43], результаты референдума 2006 года. Однако, помимо этого, демонстрация единства с Россией приднестровскими политиками выступает залогом соблюдения так называемого общественного договора между властью и населением республики, которое является русскоязычным, наследником советской Молдавии. «Население Приднестровья выступает носителем цивилизационной идентичности (идентитета), где ядром цивилизации выступает Россия с её историей, политическими, религиозными, идеологическими, социальными и культурными практиками и вполне определённой зоной цивилизационного влияния, куда всегда входило и в настоящий момент входит Приднестровье», – пишет российский историк, уроженка

² Transdnestrian conflict: origins and main issues / CSCE Conflict Prevention Centre. Vienna, 1994. URL <https://www.osce.org/files/f/documents/4/3/42308.pdf> (last request: 10.05.2023)

Приднестровья Н. И. Харитоновой [5, с. 148]. В сущности, разнообразие интерпретаций пророссийскости Приднестровья сводится к тому, является ли Приднестровье периферией русского мира, или же хранителем его ценностей и духа, т.е. сохранившимся ядром.

Приднестровская идентичность на первых порах существования молодой республики воспроизводила советские образы и символы, которые в свете распада Советского Союза и возрождения националистических движений в постсоветских республиках, стали приобретать сакральный характер, примером чему могут служить героизация Г. Котовского, сравнение боёв в городе Бендеры со Сталинградской битвой 1942–1943 гг., прославление генерала А. Лебеда и образ российской армии как единственного гаранта безопасности [1, с. 63]. Однако с 2000-х годов наблюдается трансформация приднестровской идентичности: частичный отход от советского прошлого и создание качественно новой модели самоидентификации, которая включает в себя одновременно экстраполяцию духовных символов России (в частности, Российской империи) и соединение мультикультурной традиции на данной территории. Подобное положение подтверждается героизацией русских полководцев, особенно культивированием подвига А. Суворова, выставлением на зданиях в Тирасполе и Бендерах флагов Российской империи, а также установкой памятника на трех языках (украинском, молдавском и русском) конституции Орлика [1, с. 63].

1992 год, отмеченный вооружённой агрессией Республики Молдова (РМ) против Приднестровья, продемонстрировал готовность населения республики с оружием в руках отстаивать свой суверенитет. Это говорит о том, что население Приднестровья уже проявило себя на этом этапе как гражданская нация. По словам приднестровского политолога А. Чорбы, «вооружённая агрессия мобилизовала жителей Приднестровья всех национальностей на защиту своей земли. Именно в это время впервые, весьма наглядно проявила себя приднестровская региональная идентичность» [8, с. 191].

К очевидным маркерам наличия особой идентичности следует отнести голосование на референдумах 1989–1991 гг., когда приднестровцы выступили за создание собственной государственности в рамках Советского Союза и за сохранение СССР. Итоги референдума 2006 года, к которым часто апеллируют как политики, так и учёные, – также маркер высокой гражданской активности и политической сознательности граждан: более 97% жителей Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), принявших участие в голосовании, высказались за независимость с последующим свободным вхождением в состав России. Впоследствии неоднократно высказывались идеи провести ещё один референдум, чтобы актуализировать сведения о предпочтениях населения, однако, это не было сделано в силу дороговизны мероприятия и отсутствия необходимости дублировать проведение плебисцита. Социологические опросы подтверждают, что мнение населения с годами меняется незначительно. В 2016 году в Приднестровском государственном университете был проведён опрос, в ходе которого порядка 90% опрошенных назвали восточный вектор развития, включающий евразийское пространство и Россию, наиболее предпочтительным³. Однако на вопрос, который дублировал вопрос, вынесенный в 2006 году на референдум, ответило утвердительно лишь 70% опрошенных.

После прихода к власти президента Шевчука в 2012 году делаются попытки сформулировать и закрепить в документах (в частности, в Концепции внешней

³ Опрос: более 70% жителей Приднестровья выступают за присоединение к России // РИА Новости: [сайт]. 13 мая 2016. URL: <https://ria.ru/20160513/1432704153.html> (дата обращения: 10.05.2023).

политики ПМР) национальную идею республики. Сам факт подобной государственной работы безотносительно её содержания говорит о публичном конструировании приднестровской идентичности. Ровно об этом же говорит и определение государственной идеологии в Стратегии развития ПМР.

В 2012-2014 годах в Приднестровье проводилась активная политика по популяризации евразийского вектора развития. Однако после кризиса на Украине и признания Крыма частью Российской Федерации, реализация евразийского вектора пошла на спад. После 2016 года, с приходом к власти представителей приднестровского крупного бизнеса, экономические интересы которого преимущественно связаны с Европой и иными странами, кроме России и СНГ, термин «евразийская интеграция» практически перестал использоваться властью. Опрос, о котором выше упоминалось, проведённый в государственном университете республики, показал, что идея вхождения ПМР в ЕАЭС, пользуется поддержкой не более, чем 20% опрошенных.

Миролюбивый характер населения и миролюбивые межэтнические отношения. Активное заселение территории Приднестровья началось после того, как российский полководец А. В. Суворов по указанию Екатерины II основал город-крепость Тирасполь. «В течение считанных лет освобождённые земли Приднестровья были заселены украинцами, русскими, молдаванами, армянами, болгарями, евреями, немцами и другими народностями. В течение двух веков здесь шли интенсивные процессы ассимиляции, взаимовлияния разнообразных культур, традиций, менталитета, исторического опыта. Двести тридцать лет на этой территории из разных этнических сред формировалась единая общность людей со своим особым психологическим типом. Этот архетип вырабатывал и особый приднестровский характер людей веротерпимых, открытых, дружелюбных, лишённых национальной замкнутости, этнической исключительности, чванства и косности. Между этими людьми стала невозможной религиозная рознь или этническая нетерпимость», – писал в одной из своих работ выдающийся приднестровский и молдавский историк Н. В. Бабилунга (1952–2021), один из основателей приднестровской исторической школы [9, с. 38].

Впрочем, задолго до него, историк Н. П. Батюшков иначе характеризовал предков приднестровцев: «...забужане и поднестряне, самый бойкий и отважный народ Южной Руси, отличались расположенностью к буйству и неповиновению...»⁴. В событиях 1989, 1990, 1992 годов мы как раз и наблюдаем это самое неповиновение и стремление строить свою судьбу самостоятельно.

Противопоставление приднестровской идентичности молдавской. На протяжении трёх десятков лет приднестровское научное сообщество доказывало себе и миру инаковость, непохожесть приднестровской идентичности на молдавскую. В ход шли и идут всевозможные линии сравнения, подчёркивающие антагонизм: этнический состав территорий, историческая принадлежность к разным цивилизационным проектам, правовая неправомерность создания общего государства, vox populi, традиции экономических укладов, геополитический выбор и др. Эти ограничения не мешают приднестровцам обучаться в молдавских вузах, пользоваться при необходимости услугами молдавского здравоохранения, скрываться в Молдове от уголовного и политического преследования Тираспо-

⁴ Цит. по: Есть такая нация – приднестровцы // ИА Новости Приднестровья: [сайт]. 16 июля 2015. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/15-07-16/est-takaya-naciya-pridnestrovcy> (дата обращения: 10.05.2023).

ля, а также пользоваться возможностями молдавского заграничного паспорта, позволяющего с лёгкостью посещать территорию ЕС, посещать территорию Молдовы с целью отоваривания или рекреации. Но, что ещё важнее на определённом этапе развития, – убеждать себя и других в возможности и желательности построения общего государства, как это было в период обсуждения плана урегулирования Козака.

Фактом создания собственной государственности, альтернативной той, в которой интересы Приднестровья не были артикулированы и соблюдены, приднестровцы выразили свой протест Молдове. В дальнейшем на политическом уровне этот протест сохранится, хотя он и не связан с сугубо этническим компонентом. Идея приднестровской идентичности как способа сохранить молдавскую культуру, испытывающую агрессивное влияние румынской политики, ярко отражена в школе молдавенистов – кишиневских историков-интернационалистов, выступающих на протяжении многих лет против национализма в Молдове. К сожалению, эта школа теряет своих лидеров и фактически из ныне живущих остался только П. М. Шорников. В РМ это направление исторической мысли, по известным причинам, не пользуется популярностью. В Приднестровье к нему зачастую относятся со скепсисом, поскольку молдавенисты выступают за единое государство под протекторатом России, в возможность которого приднестровцы не верят.

Приднестровье, действительно, идеологически противостоит Молдове. Но чему именно? Русофобии? Моноэтничности? Стремлению войти в ЕС и присоединиться к НАТО? Вероятно, правильный ответ будет звучать так: всему, что противоречит принципу приднестровской государственности как наследницы лучшего в советской модели социально-политического общежития. Между современным Приднестровьем и МАССР/МССР нельзя проводить прямых аналогий, поскольку Приднестровье не является социалистическим государством по своей модели, в Приднестровье не проводится политика коренизации титульной нации, как это было в советской Молдавии. В этом они кардинально разнятся.

Можно ли говорить, что в действительности сложилось несколько уровней идентичности Приднестровья? На наш взгляд, базовой идентичностью приднестровцев является именно смешанная идентичность, которая позволяет человеку, находящемуся в агрессивной среде, находить гибкие решения – на практике это отражается в возможности применить в той или иной ситуации один из своих паспортов, как свидетельство наличия гражданства – правовой связи с конкретным государством (в зависимости от ситуации и субъективно понимаемых выгод такой связи). Проблема возникает тогда, когда официальный политический дискурс и идеологию путают с идентичностью, хотя, в случае с Приднестровьем, между ними и нет принципиальных противоречий. Разница между ними, в сущности, заключается в механизме их формирования и целеориентированности.

У идентичности, формируемой естественным путём, исторически, снизу, никакой цели нет – это узор, складывающийся десятилетиями и даже столетиями под влиянием множества факторов. Подлинная идентичность не зависит от политической воли отдельно взятого лидера, равно как и не могут её разрушить негативные внешние обстоятельства, если только это не тотальный геноцид. У конструируемой идентичности, а точнее – идеологии – всегда есть политическая цель, которая может меняться и формулироваться по-разному: независимость и признание ПМР, дружба с Россией, или вообще многовекторность. Идеология элит и государства и есть попытка сформировать идентичность «сверху», в то время как идентичность бытовая (а в случае Приднестровья – это именно смешанная идентичность, зачастую размытая, которую нельзя определить, как

механическую сумму трех этносов – молдавского, русского, украинского, тем более как сумму более чем 70 этносов, представители которых проживают в ПМР) формируется естественным путём, носит более устойчивый характер, а её роль сродни функциям, которыми обладает так называемый «рептильный мозг», т.е. сложно объяснима в строгих или даже описательных политологических терминах, но интуитивно понятна.

Исследователь Д. В. Басова выделила три уровня приднестровской идентичности (по её носителям): индивидуальный, групповой (этносы – русские, украинцы, молдаване, евреи) и государственный. Причём индивидуальный и групповой уровни внутренне не противоречат государственному, а органично вписаны в него. Также, по её мнению, просматривается ещё один – общеславянский, который носит пока скорее трансцендентный характер. Тем не менее, в рамках приднестровской идентичности он выражен в идее восстановления «Русского мира» [1, с. 64, 65].

Российский историк Н. И. Харитоновна выделяет цивилизационную и ситуационную идентичности Приднестровья. Цивилизационная идентичность, по словам автора, «определяется через соотнесение себя с Россией и евразийским цивилизационным пространством». Цивилизационная идентичность населения Приднестровья как один из ключевых факторов может сыграть существенную роль в политическом разрешении приднестровского конфликта. Также исследователь отмечает, что отличительной чертой является то, что «население Приднестровья чётко осознает себя отличным от населения соседних Молдовы и Украины» [5, с. 142, 148].

В наиболее узком смысле эксперты рассматривают приднестровскую идентичность как средство сохранения русской культуры, что является верным, если смотреть только на формальные критерии конфликта (формально он начался из-за выдавливания русского языка, а в риторике Кишинёва преобладали антироссийские лозунги), и не замечать того факта, что национализм в Молдове был направлен не только против русских, но и против других этносов (украинцев, гагаузов, болгар, евреев и др.).

Наш взгляд отличается от всего, ранее сказанного на эту тему. Мы выделяем идентичность, как базовую константу, и идеологию (в значении государственной идеологии) как надстройку над ней. Первая представляет собой аморфную почву, «рептильный мозг» народа, место, где живёт подсознание, генетическая память, идеология же – это артикулированная идентичность, выраженная в терминах и метафорах и содержащая в себе целеполагание. Можно сказать, что идентичность народа как форма самосознания проистекает из прошлого, в то время как идеология всегда обращена в будущее. Место их «встречи» – сегодняшний день, реальная политика, соотношение деклараций и реального поведения. Чем теснее их связь, тем выше доверие народа к власти, выше легитимность, потому что народ как бы «узнаёт» «свою» власть, находя в ней подтверждение тем образам, которые в его коллективном бессознательном существуют.

Как соотносится приднестровская идентичность, основанная на многоэтничности, миролюбии и тяге к Русскому миру с проблемой урегулирования конфликта? Помогает ли развитие политической нации «Приднестровский народ» конфликто разрешению или задерживает его?

Первый, наиболее очевидный и как бы напрашивающийся ответ – отрицательный. Действительно, чем больше Приднестровье подчёркивает свою независимость, тем больше напряжения это вызывает в соседней Молдове. Подобная ситуация является типичной для большинства стран мира с неурегулированными внутренними спорами, особенно прошедшими этап интернационализации

конфликта: чем выше стремление к сепаратизму, к политическому обособлению спорных территорий, тем выше конфликтный потенциал между центром и регионом. И, напротив, чем менее осмыслена собственная идентичность, тем проще отношения. Осмысленная идентичность – это идентичность, выраженная в политических терминах и овеществлённая в политических актах. В случае с Приднестровьем, и идентичность народа, и идеология Приднестровского государства идут вразрез с идентичностью и идеологией в Молдове.

Некоторые исследователи полагают, что сама модель Приднестровского государства, основанная на внутригражданском согласии, на полиэтничности, могла бы быть моделью для многосоставного общества, которым является Молдова, включающая помимо молдавского этноса румынский, болгарский, украинский, русский и др. Надо сказать, что такие мысли звучат часто именно от российских экспертов и эта мысль связана с тем, что они экстраполируют свой собственный жизненный опыт, жизнь в многонациональной России на Молдову, памятуя ещё о советской Молдавии. Так, по мнению Д. В. Басовой, модель приднестровской идентичности могла бы послужить инструментом разрешения «конфликтов идентичности» для руководства Молдавии, которую в современных реалиях раздирают этнополитические противоречия» [1, с. 62].

Приднестровские эксперты считают эту идею малореализуемой и дело не только в Молдове. По мнению приднестровского, молдавского и российского историка В. П. Степанова, несмотря на полиэтничность, провозглашение трех официальных и равноправных языков, доминирующим в ПМР является русский этнос, влияние которого прослеживается в образовании, делопроизводстве органов законодательной, судебной и исполнительной власти. «При равном статусе с русским языком – другие обречены на статус «семейных» языков, не имеющих силы конкурировать с русским, хотя изучаются во всей вертикали образования» [10, с. 127].

Этот факт, эта особенность приднестровской идентичности, вопреки мысли об универсальности приднестровской модели, служит фактором, препятствующим реализации совместного государства на приднестровских началах. Для молдаван Кишинёва реализация подобной модели привела бы к равенству в их отношениях с другими этносами, что было бы воспринято ими как политическая несправедливость, как ущемление. Ровно по этой же причине не может быть решён и молдово-приднестровский конфликт, хотя многие политики в Молдове изредка бравируют идеей, что конфликт может быть решён за пару дней или даже часов: молдавская модель не устраивает Приднестровье. К этой принципиальной разнице в устройстве систем добавляются «отягчающие факторы» – рост влияния Запада в этом регионе Европы, СВО и др.

Проблема урегулирования видится в том, что за три десятилетия, прошедших с войны 1992 года, Молдова так и не отказалась от курса строительства национального государства, модель которого неприемлема для многосоставных обществ. Ситуация отягощается прорумынским натовским вектором Молдовы, которая, стремясь интегрироваться в Европу, готова поступиться собственным суверенитетом. Отмена молдавского языка в Молдове в 2023 году – ещё одна реперная точка в процессе отмены молдавской культуры. В Приднестровье и Молдове оценка периода румынского присутствия на этой территории диаметрально разнится: для Приднестровья это период фашистской оккупации [11; 12; 13; 14], для Молдовы – период восстановления городской и сельской экономики и инфраструктуры. Приходится констатировать, что именно проблемы, связанные с идентичностью двух народов, лежат в основе долгоиграющего конфликта, определяют неуспех в переговорном процессе, который не может сво-

даться только к отсутствию политической воли в его решении. Это также является основанием утверждать, что решение конфликта рано или поздно состоится под влиянием множества факторов, некоторые из которых могут выглядеть как случайные. На деле же, медленное вызревание идентичностей по обоим берегам Днестра – есть микрошаги к его естественному разрешению по любому из сценариев. Из тех процессов, которые мы по совокупности наблюдаем сегодня, весьма вероятно, что этим естественным процессом станет дальнейшее размежевание между сторонами, прокладывание более выразительных разделительных линий, однако, не стоит исключать фактор участия третьих сторон в конфликте, которыми сегодня могут выступить Россия, Украина, Румыния – т.е. ближайшие заинтересованные государства.

Заключение.

1) Строительство приднестровской политической нации идёт как естественным путём, так и посредством целенаправленной государственной политики в ПМР.

2) Идентичность современного Приднестровского государства формировалась на антинационалистических началах, в противовес идентичности Республики Молдова, на базе позднесоветского интернационализма, а также как республики-преемницы МАССР, однако со временем она стала трансформироваться, происходит отход от советских принципов в пользу самодостаточности и несводимости ни к каким моделям. Во многом этому способствует позиция приднестровских политических и научных элит.

3) В Приднестровье создана система, которая обеспечивает развитие собственной идентичности населения, в неё включено общество и институты власти, институты гражданского общества. Формирование идентичности приднестровцев происходит в процессе социализации – интериоризации норм и ценностей общества, начиная с детского сада и заканчивая деятельностью правоохранительной системы.

4) Чем выше степень самостоятельности ПМР в вопросах конструирования идентичности, тем сложнее осуществляется диалог между ПМР и РМ.

Важной особенностью приднестровской идентичности является комплементарное отношение ко всем этапам приднестровской истории, без деления на плохие и хорошие этапы, без редуцирования исторических сюжетов. Исключением является война 1992 года, восприятие которой у носителей приднестровской идентичности является однозначно отрицательным. Память о конфликте, по словам Н. И. Харитоновой, руководство республики активно использует как основное средство социальной мобилизации населения республики [5, с. 147, 148].

Библиографический список

1. Басова Д. В. Многоуровневая идентичность Приднестровья как модель построения государства для современной Молдавии // Сравнительная политика. 2015. Т. 6, № 4. С. 62–66. EDN [UHWPVJ](#).
2. Войт И. А. Формирование приднестровского народа как процесс формирования приднестровской идентичности // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4(93). С. 32–36. EDN [PONGAI](#).
3. Голубь Н. А. Проблемы сохранения национально-культурной идентичности в контексте культурной политики Приднестровья // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3-2. С. 448–467. DOI [10.17212/2075-0862-2022-14.3.2-448-467](#). EDN [XDMNMM](#).
4. Колосов В. А., Заяц Д. В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. 2001. № 1. С. 88–122. EDN [HYYWLB](#).

5. Харитонова Н. И. Фактор цивилизационной идентичности населения Приднестровья в разрешении приднестровского конфликта // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 142–151. EDN [ZDQCGL](#).
6. Журавлев В. Е. Легитимация Приднестровского государства: структурно-функциональный подход. Тирасполь : Центр социал. и полит. исслед. «Перспектива», 2005. 160 с. ISBN 9975-9967-2-8. EDN [QOEKWX](#).
7. Татаров Р. А. Приднестровская развилка: к вопросу об основании и реализации выбора приднестровского народа // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 2. С. 39–47. DOI [10.19181/nko.2021.27.2.4](#). EDN [WUVOXD](#).
8. Чорба А. А. Приднестровье на пути от региональной к государственной идентичности: оценки экспертов // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики: сб. статей (Нижний Новгород, 18–19 ноября 2015) / Под ред. А. А. Корнилова. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2016. С. 190–195. EDN [WDRVYR](#).
9. Бабилунга Н. В. Приднестровье: шаги истории. Тирасполь, 2015. 72 с.
10. Степанов В. П. Этнополитическое конструирование гражданской идентичности на двух берегах Днестра (1989–2014 гг.). Москва ; Тирасполь : [б. и.], 2015. 222 с. ISBN 978-5-7893-0229-3.
11. Шорников И. П. Зондеркоманда в Дубоссарах: Очерк истории и документация о героиче и патриотической борьбе в годы фашистской оккупации. 2-е изд., доп. Тирасполь : Полиграфист, 2016. 208 с.
12. Перстнёв В. И. Бендерская оборона 1918 года: взгляд через столетие : 100-летию героической обороны г. Бендеры от румынских захватчиков посвящается. Бендеры : Контур, 2018. 43 с. URL: <https://bendery-fortress.com/bendery-defense-romanian-occupation-1918-one-century-ago> (дата обращения: 10.05.2023).
13. «Натиск на Восток»: агрессивный румынизм с начала XX века по настоящее время : сборник статей, документов и воспоминаний / Под ред. Н. В. Бабилунги. Бендеры : Полиграфист, 2011. 608 с.
14. Лебедев А. С. Историческая политика в Приднестровской Молдавской Республике // Оригинальные исследования. 2020. Т. 10, № 6. С. 179–187. EDN [BNGJSW](#).

Поступила: 18.05.2023. Принята к печати: 13.06.2023.

Сведения об авторе:

Бабченко Марина Сергеевна, старший преподаватель кафедры политологии и политического анализа, Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь).
ssbck@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1160028](#);

ORCID: [0000-0003-2831-2287](#)

M. S. Babchenko¹

¹ Pridnestrovian State University
Tiraspol

THE EVOLUTION OF THE PRIDNESTROVIAN IDENTITY IN THE CONTEXT OF THE UNRESOLVED CONFLICT WITH THE REPUBLIC OF MOLDOVA

Abstract. The construction of the Pridnestrovian political nation is carried out both naturally and through a purposeful state policy on nation-building. The identity of the modern Pridnestrovian state was formed initially on anti-nationalist principles, in contrast to the identity of the Republic of Moldova, on the basis of late Soviet internationalism, as well as a successor republic of the MASSR, but over time it began to transform, there was a departure from Soviet principles in favor of

self-sufficiency and irreducibility to any models. In many ways, this was facilitated by the position of Pridnestrovian political and scientific elites looking for sources of their own statehood in the identity of the Pridnestrovian people. To date, a system has been created in Pridnestrovie that ensures the retransmission of values and meanings among the population, it includes society and government institutions, as well as civil society institutions.

At the same time, the development of civil and political identity leads to a complication of the dialogue between the PMR and the RM. In the conditions of a multidirectional geopolitical choice, the application of the Pridnestrovian model for Moldova turns out to be impossible, since the Republic of Moldova has not abandoned the national model of the state. The spread of the Pridnestrovian multiethnic model in Moldovan society and politics can be perceived as interference in internal affairs and forced Russification. The author suggests not to confuse concepts when talking about the identity of the population – not to confuse the political discourse and ideology of the state with the identity that has naturally formed over the centuries, based on multiethnicity, peacefulness and attraction to the Russian world. The political ideology of the modern Pridnestrovian state is directed towards the future and has a political goal – independence, identity connects the people with its origins, in this case with the past, in which Russia's special role in the development of the region is noticeable.

Keywords: Moldo-Pridnestrovian conflict, Pridnestrovian identity, Pridnestrovian people, Pridnestrovian Moldavian Republic

For citation: Babchenko M. S. The evolution of the Pridnestrovian identity in the context of the unresolved conflict with the Republic of Moldova. *Science. Culture. Society*. 2023;29(2): 56–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.2.5>

References

1. Basova D. V. Multilevel identity of Transnistria as a model of statebuilding for modern Moldova. *Sraznitel'naâ politika=Comparative Politics Russia*. 2015;6(4):62–66. (In Russ.).
2. Voit I. A. The formation of the Pridnestrovian people as a formation process of the Pridnestrovian identity. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;(4):32–36. (In Russ.).
3. Golub N. A. Problems of preservation of national and cultural identity in the context of cultural policy of Transnistria. *Idei i idealny=Ideas and ideals*. 2022;14(3-2):448–467. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2022-14.3.2-448-467](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2022-14.3.2-448-467).
4. Kolosov V. A., Zayats D. V. Moldova and Transnistria: national construction, territorial identities, prospects for conflict resolution. *Vestnik Evrazii*. 2001;(1):88–122. (In Russ.).
5. Kharitonova N. I. The factor of civilizational identity of the population of Transnistria in the resolution of the Transnistrian conflict. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law=Izvestiâ Úgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ Istoriâ i pravo*. 2019;9(1):142–151. (In Russ.).
6. Zhuravlev V. E. Legitimation of Pridnestrovian State: Structure-functional Approach. Tiraspol: Center for Social and Political Research «Perspektiva»; 2005. 160 p. (In Russ.). ISBN 9975-9967-2-8.
7. Tatarov R. A. Pridnestrovian fork: on the question of the basis and implementation of the choice of the Pridnestrovian people. *Nauka. Kultura. Obshchestvo=Science. Culture. Society*. 2021;27(2):39–47. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.2.4..](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.2.4..)
8. Chorba A. A. Pridnestrovie on the way from regional to state identity: expert assessments. In: Kornilov A. A., ed. *Regions of the world: problems of history, culture and politics: coll. of articles*. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo; 2016. S. 190–195. (In Russ.).
9. Babilunga N. V. Transnistria: steps of history. Tiraspol; 2015. 72 p. (In Russ.).
10. Stepanov V P. Ethnopolitical construction of civic identity on the two banks of the Dniester (1989–2014). Moscow–Tiraspol: [b. i.]; 2015. 222 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7893-0229-3.
11. Shornikov I. P. *Sonderkommando in Dubossary: Essay on the history and documentation of the genocide and patriotic struggle during the fascist years*. 2nd ed., add. Tiraspol: Polygraphist; 2016. 208 p. (In Russ.).
12. Perstnev V. I. Defense of Bender in 1918: a look back over a century: 100th anniversary of the heroic defense of Bender from the Romanian invaders. Bender: Kontur; 2018. 43 p. (In Russ.). Available at: <https://bendery-fortress.com/bendery-defense-romanian-occupation-1918-one-century-ago> (accessed: 10.05.2023).

13. Babilunga N. V., ed. "Onslaught to the East": Aggressive Romanianism from the beginning of the 20th century to the present: coll. of articles, documents and memoirs. Bender: Polygraphist; 2011. 608 p. (In Russ.).
14. Lebedev A. S. Historical politics in the Transnistrian Moldavian Republic. *Original'nye issledovaniya*. 2020;10(6):179–186. (In Russ.).

Received: 18.05.2023. Accepted: 13.06.2023.

Information about the author:

Marina S. Babchenko, senior lecturer, Department of political science and political analysis, Pridnestrovian State University (Tiraspol). ssbck@mail.ru
ORCID: [0000-0003-2831-2287](https://orcid.org/0000-0003-2831-2287)